

Валерий Юхимов

«Когда бы нам дано предугадать...»

* * *

когда бы вдруг классический рычаг
нашел опору для переворота,
чему свою тенью помешал
затмивший солнце рядовой пехоты,

когда бы наше все не заклеимил,
«поэзия должна быть глуповата»,
на бруствере отеческих могил
развеивает выхлоп экскаватор,

когда бы нам дано предугадать,
в руках с наполненною стоя у буфета,
какие благодать и перемать
сокрыты в простодушной строчке фета,

когда бы вновь восставший аполлон
не требовал сомнительных ответов,
нацеливая в жертву рифму «он» –
восьмидюймовое орудие поэта.

* * *

голый дождь сечет реку до волдырей
и черепицу разносит в хлам,
собаку не выгонишь из дверей,
а я звездячу по клавишам.

в тонких материях заплетаюсь пальцами
и не растопыриваю, на пианино играючи,
если нужно, мы и всевышнему сбацаем,
но пока я просто звездячу по клавишам.

оботрешь руки ветошью и продолжай,
имя свое и звук не оставишь нам,
славься имя иного, не облажай,
пока звездячишь по клавишам.

мои прихожане мало что знают о боге
и не ищут его земного пристанища,
музыка, говорят, разговор надолго,
а я просто звездячу по клавишам.

вечером трудного дня собирается мой народ
пропустить стаканчик, на вашего господ клавшие,
лейтенанты трущоб и бродяги различных пород,
и я им просто звездячу по клавишам.

отпускаю их, let my people go,
не читаю мораль и не езжу им по ушам,
я не занимаюсь чужою игрой,
и просто звездячу по клавишам.

когда же закончится этот бедлам
и в последний путь отправлюсь на кладбище,
и когда накроют крышкою, даже там
я услышу, как звездячат по клавишам.

* * *

тьень змеи сливается с ней и вместе
они заползают под камень в приливе зноя.
человек, наперед все знающий об аресте,
изможден и приваливается к нему спиною,
пустыня внемлет молчанию, как благовесту.

он шевелит беззвучно губами, как будто споря,
известно с кем и о чем, пока не проснутся тени,
вот они потянулись цепочкой, неровным строем
и одна из них падает на колени,
хочется пить, но чашу несите другому.

так и пойдет по кругу, не проливаясь,
не иссыхая, мятая алюминиевая фляга,
многие руки звали, но только едва есть
во всей пустыне жаждущих каплю влаги –
губы, чтобы ее касались.

* * *

мельтешенье новоликих куполов в листве платанов
и потертости до отблеска ладоней, потиравших,
кроме камешков могильных с медяком, в твоих карманах
не нашаришь и бумажки завалящей.

не нащупаешь округлость летней бронзы, оброненной
в травы склонов под соцветье тамариска,
лишь согбенные лепниною балконов
подпирают их немолодые одалиски,

изменившие и энгру, и матиссу, на гастролях,
с хором козлорогих олимпийцев блудоватых,
вот и чешутся запавшие бемоли,
утепленные на зиму стекловатой.

тени ходят, не отбрасывая тени, друг сквозь друга,
тянет сыростью, трамвай искрит огнивом,
из тумана высекая дуги
на кольце, припаянном к заливу.

город южной речи, разлагаясь, йодом пахнет
из покоя прощального водорослей на берегу,
пусть его вечерний беобахтер
будет уходящему в долгу.

* * *

умертвив героя, хор с козьей мордой расходитя по домам,
на подмостках разбросанные котурны,
инструменты – молоток, клещи и прочий хлам,
грядущий вослед культурной
революции панк-ислам,
гламурный

эврипидор машет с экрана, агора требует «бис!»,
он позирует с юношами праксителю,
мертвые губы, шепнув «зашибись!»
изображают покой спасителя,
подоспевший бриз
сдувает пылинки с кителя.

олимпийцев сгоняют назад в машину, вручив конверт,
ликование прет из туник дифирамбом,
подвернувшийся карфагенский кордебалет
дерут хореем и ямбом,
историю пишет незрячий аэд,
которую слямзил.

